

Е.В. Барышева

ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СССР: 1920–1930-е ГОДЫ

Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой истории и теории исторической науки РГГУ.

В 1920–1930-е годы одной из главных задач советской власти было создание управляемого общества. С этой целью разрушались традиции, навязывались новые социальные стереотипы, знаковые системы. «Форматируя» сознание советских людей, формируя общественное мнение, власть планомерно меняла поведение, подчиняя своим установкам. Обществу навязывался идеал «нового человека» – «строителя социализма».

«Новому человеку» должны были соответствовать и новый быт, и новые формы досуга и отдыха. Идея революционных мечтателей о совместном труде и совместном творческом досуге реализовалась в СССР в организации коллективного быта и установлении контроля над отдыхом. Это по существу означало отказ от частной жизни человека.

Стремление к коренной перестройке быта и внутреннего мира человека в соответствии с новой идеологией нашло отражение в концепции «нового быта» 1920-х годов и сменившей ее в 30-е годы новой идее «культурности». Орудием перестройки быта стало в руках государства жилищное строительство [6, с. 5].

* * *

Размышляя о путях построения нового социалистического общества, советские лидеры, обращаясь к рабочим, заявляли: «...Революция разрушила старый уклад жизни, и мы работаем над созданием нового – создание нового затрудняется тем, что нам приходится очень часто вступать в борьбу со старым, от которого освободиться нелегко. Старый порядок жизни, старый быт, старые привычки служат большой помехой в нашем строительстве. Новый

быт требует внимательного и заботливого отношения к здоровью.., а мы имеем комнаты, которые не проветриваем, мы по шесть месяцев не смываем грязь с нашего тела, мы стыдимся сделать движение и расправить грудь. Новый быт требует здорового состояния наших чувств, товарищеских взаимоотношений. Теперь у нас возникает вопрос – какого же быта больше, старого или нового? По нашему мнению, быт отстает от темпа нашего строительства» [12, с. 21].

Действительно, утопическая идея светлого будущего часто противоречила реальной повседневности. В 1920-е годы страна испытывала отчаянный жилищный кризис. Темпы строительства жилья не успевали за ростом населения крупных городов. Только в Москве к 1927 г. не хватало более 5 млн м² жилой площади, т.е. 1/3 населения города (из 2 018 000 человек) не имела своего жилья [3, с. 12].

Советские архитекторы с готовностью взялись за решение проблемы. Новой социальной задачей для советской архитектуры стало требование красивого жилища, клуба, завода: «Рабочий класс не для того в великих муках свергал капитализм, чтобы замкнуться в бездушной “коробочной” архитектуре и построить скучную безрадостную жизнь» [15, с. 4]. В ответ на публикацию в 1935 г. Генерального плана реконструкции Москвы Академия архитектуры в своем одноименном журнале заявляла, что «советская социалистическая архитектура призвана выразить мощными архитектурно-художественными и строительно-техническими средствами величие нашей эпохи, красоту жизни трудящихся, создать условия радостной и культурной жизни для строителей социализма» [17, с. 12].

В отличие от капиталистических городов в проектах поселений «нового типа» организация городского пространства предусматривала коллективный быт, светлые и просторные здания, дворцы культуры и рабочие клубы для совместного досуга. Идеальные советские города – это широкие проспекты, предназначавшиеся для шествий праздничных демонстраций. Все это должно было ориентировать «нового человека» на общественные интересы, отвлекать его от бытовых трудностей.

Первые советские архитектурные проекты предлагали строительство разных вариантов «храмов общения народа» (Николай Исцеленов, 1919 г.; Владимир Кринский, 1919 г.), коммунальных домов (Николай Ладовский, 1920 г.) [14, с. 40]. Считалось, что коммунальная организация пространства жизнедеятельности соответствовала и общинному образу жизни, и быту общежитий и казарм [25, с. 45], известным рабочим с дореволюционных времен. Если в 1918–1924 гг. бытовые коммуны возникали стихийно вследствие жестокого жилищного кризиса и политики переселения рабочих в благоустроенные дома буржуазии [26, с. 207], то впоследствии они стали символами нового быта и нового времени.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Таковы московские дом-коммуна на Шаболовке, студенческий дом-коммуна в Замоскворечье, экспериментальные дома по проектам группы архитекторов под руководством М. Гинзбурга; ленинградские дом-коммуна Общества политехторжан, дом-коммуна для инженеров и писателей, который в народе за его аскетичный облик, отсутствие звукоизоляции и малометражные квартиры без кухонь прозвали «слезой социализма» [8, с. 243–244].

Вопрос о необходимости создания нового типа рабочего жилья с коллективными помещениями хозяйственного и культурно-бытового назначения был поставлен в середине 1920-х годов, когда Президиумом Московского Совета в 1925 г. был объявлен открытый конкурс на составление проекта коммунального дома. Основное требование, предъявлявшееся к проектам, – принцип полного освобождения хозяйки от повседневной домашней работы [5, с. 14]. При проведении следующих конкурсов на создание проектов домов-коммун придерживались этого же принципа. В предисловии к конкурсной программе в обязанность советских архитекторов вменялось: «проникнуться новыми запросами к жилищу и возможно скорее дать проект такого дома с общественным хозяйством, который превратил бы так называемый домашний очаг из тесной, скучной, а подчас и тяжелой кельи, особенно для женщины, в место приятного и свободного отдыха» [4, с. 1].

Предполагалось, что дом должен быть рассчитан на 700–800 человек: одиноких – 10% всех жильцов, живущих попарно (супругов или товарищей) – 30%, живущих семьями (с детьми) от 3 до 5 человек – 60%. Для их обслуживания было предусмотрено строительство общей столовой, с прачечной, яслями и детским садом. Общая столовая, рассчитанная на одновременное пользование 250 человек, составляющих 40% жильцов (начиная с десяти лет), служила одновременно местом общих собраний. На каждом этаже должны были быть оборудованы умывальные комнаты для женщин и мужчин из расчета 1 кран на десять человек. Средняя норма для человека в жилой комнате составляла 6 м², без различия возраста.

При доме обязательно планировался детский сад на 30 детей, состоящий из «2 классных комнат, 1 игралки, 1 спальни на 15 детей». Такая структура дома объяснялась необходимостью освободить женщину от «домашнего рабства»: «Рабочий не желает, чтобы его мать, жена или сестра была нянькой, прачкой или стиральной без ограничения времени; он не желает, чтобы дети лишали его самого и особенно свою мать возможности использовать часы своего отдыха для общественной работы, для духовных и физических развлечений...»

Считалось, что со времени окончания Первой мировой войны самостоятельное ведение домашнего хозяйства и воспитания стало непосильным бременем для отдельной трудовой семьи любой страны [4, с. 1–7]. В перспективе понятие «кухня» при квартире должно было исчезнуть, стать «историче-

ским ярлыком квартир буржуазной и переходной эпохи». В «стандартной» квартире нового «быта» вместо кухни архитекторы в своих мечтах видели различные технологические приспособления: «будет какая-нибудь откидная доска с вделанными в нее электрическими нагревателями, с электрическими всасывателями паров от случайных и непостоянных манипуляций на ней, сама же “кухня”, как ее мыслят сейчас хозяйки, переродится в некий коллективный для дома или объединения очаг приготовления пищи, равно как детская, читальня, библиотека и т.д.» [21, с. 62–63].

В доме-коммуне все предусматривалось для коллективного отдыха. Программа конкурса требовала строительство клуба и библиотеки-читальни на 100 человек [4, с. 3]. Еще одна немаловажная задача – удешевление жилья – решалась путем строительства домов с обобществленным хозяйством для одиноких и семейных рабочих, таких как дома Солодовникова в Москве и «Гаваньский городок» в Ленинграде [4, с. 3].

Повторим, идея «коллективизации» частной жизни входила в противоречие с обыденной логикой. Не случайно победителем конкурса стал все-таки проект архитектора В.М. Маята. Отступив от условий конкурса, он посчитал более рациональным устройство отдельных уборных с умывальником в каждой квартире для семейных и в каждой объединенной в квартиру группе комнат для одиноких и парных жильцов [4, с. 5].

Однако борьба за новый, «рожденный революцией» быт и избавление от «гнета и безвкусыя мещанско-капиталистического окружения вещей» продолжалась. Ключевой идеей стала стандартизация, которой подлежали все самые жизненно необходимые стороны быта: тип жилища и средней городской квартиры, оформление клуба, избы-читальни, общественной столовой и разных общественных мест культурно-просветительского назначения. Единым стандартом должны были соответствовать вся жилая обстановка (мебель, здесь художественные задачи были тесно связаны с рациональным использованием ограниченной площади современных городских квартир), а также одежда и предметы домашнего обихода массового потребления [27, с. 25].

В 1927 г. дискуссия о рабочем жилищном строительстве развернулась с новой силой.

В условиях усиления обобществления и типизации во всех сферах жизни все больше голосов раздавалось в пользу коммунального жилья в противовес жилью индивидуальному. «Каждая квартира, рассчитанная на одну-две рабочие семьи, обязательно составляла изолированную от рабочей среды семейную ячейку... строя в каждой квартире кухни (а иначе строить кухни для женщин-хозяек было нельзя), мы жену рабочего приковывали к шестку, к кастрюлям...» [9, с. 82–83].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Вместе с тем ряд архитекторов и представители общественности критиковали то, что в новых постройках не выполнялись элементарные санитарно-гигиенические требования, в планировке и размерах комнат не было логической связи с обстановкой и что, самое главное, совершенно «не чувствовалось никакой попытки приблизить эти жилые ящики к современным условиям жизни» [9, с. 82]. Однако идеологическое внушение и агитация, с одной стороны, и привычка к коллективному быту – с другой, возымели свое действие. Свидетельством тому может служить развернувшаяся на страницах журнала «Современная архитектура» дискуссия о том, какое жилье нужно рабочему.

Газета «Правда» в 1924 г. публикует заметку Ф. Федюняева о строительстве жилья для рабочих. В ней от имени рабочих высказывается мнение о необходимости изменения подхода к проектированию домов, вызванной новыми условиями быта и общественных взаимоотношений. Обвиняя членов фабкома в том, что они «цепляются за семью», одна из работниц заявляла, что на фабрике «Перекоп» уже есть десять семейств, которые «согласны жить коммуной и питаться из общего котла» [24, с. 24]. На Ярославской конференции жилищно-строительного кооператива «Красный химик» рабочие заявляли: «Не надо нам английских домиков. Не надо нам отдельных квартир. Дайте нам целый дом, где бы могла жить семья рабочего, иметь общение с другой семьей, могла бы сойтись в одной общей комнате: поговорить, почитать. Но строятся все же клетушки. Как бы это изжить? ...Если в Англии строятся отдельные домики (правда, красивые, занятные) для рабочих, то с определенной целью: сделать все возможное, чтобы лишить рабочего общения друг с другом. По пути ли нам с ними?» [9, с. 82].

К концу 1920-х годов перераспределение жилой площади было закончено и было принято решение о переходе к новому жилищному строительству [3, с. 12]. Предполагалось создание крупных жилых единиц вместо «индивидуально замкнутых ячеек». Стремление человека к коммунальной жизни обосновывалось экономическими условиями [3, с. 12]. Рационализация оборудования жилища, облегчение самообслуживания должны были послужить освобождению трудящегося человека от вынужденной домашней работы. «Сэкономленное» время он мог посвятить развитию индивидуальных способностей, самосовершенствованию [3, с. 12]. Однако идея освобождения человека через насильственную коллективизацию на практике привела не к освобождению, а к развалу семьи и быта.

Уже в 1927 г. предполагалось построить в Москве некоторое количество домов коммунального типа, т.е. оборудованных общими кухнями и другими удобствами для коллективного пользования, но значительно отличающихся от больших домов-коммун, рассчитанных на несколько сот человек. Речь шла

о попытке создания промежуточного – между обособленной квартирой и домом-коммуной – типа коллективного жилища [2, с. 9].

Постепенно выстраивается концепция нового жилья – дома-коммуны, ставшая символом не только нового быта, новой жизни, но и символом влияния на сознание и поведение советского гражданина. К концу 1920-х годов складывается представление о целевом назначении дома-коммуны: «Полное, действительное освобождение женщины от крепостной зависимости... Это азбука социализма. Ясли, общественные столы, детдома и проч. – буквы этой азбуки. Но слить эти буквы в одно слово – коммуна – это труднейшая задача. Создание мощного трудового коллектива, располагающего прекрасно оборудованными, образцовыми помещениями, обслуживаемого всеми видами санитарно-гигиенической техники и пользующегося безгранично культурно-просветительными учреждениями, как то: кинотеатр, библиотека-читальня, радио и пр. для самовоспитания и просвещения» [9, с. 83]. Социалистическое отношение к быту предполагало «рациональность и максимальное раскрепощение личности от вещей» [19, с. 25].

Распорядок дня в доме-коммуне был заранее расписан и подчинен коллективистской идее: «Рабочие и работницы с утра вливаются в русло трудовой, коллективной жизни. Все, холостые и “семейные”, направляются в центральную столовую – пить чай, завтракать. Но прежде, в специальных помещениях, снимают домашний костюм, принимают душ, надевают костюм производственный. Затем работа. ...Кончилась работа на фабрике. Усталые, утомленные труженики нуждаются в пище, отдыхе, в восстановлении сил. Они приходят в специальные помещения; снимают грязное производственное белье, принимают душ, купаются в плавательном бассейне (плавательный бассейн – не роскошь!!); надевают после чистое, приготовленное домашнее белье и идут обедать. После обеда отдых, а потом культурные развлечения в клубе, в спортивном зале, в библиотеке-читальне, кино, радио, шахматы, различных кружках самообразования и пр. и пр. Наконец, ужин и сон» [9, с. 83].

Жильцы домов-коммун жили по четким правилам, которые, как это было, например, в доме-коммуне жилстройкооператива «Замоскворецкое объединение», долго обсуждались, изменялись и, наконец, принимались коллективом жильцов. Согласно выработанным требованиям, жильцы дома-коммуны обязывались «воздерживаться от перевозки предметов хозяйственного оборудования и имущества, не отвечающего условиям проживания в коммуны (иконы, предметы кухонного обихода, имущество, находящееся в антисанитарном состоянии и пр.)». Все вселяемые в дом должны были полностью перейти от индивидуальной кухни к питанию в общей столовой: «В первую очередь на общественное питание переходят лица, живущие в отдельных комнатах, остальные по мере расширения столовой». Детей

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

дошкольного возраста в обязательном порядке размещали в дневное время в детских учреждениях дома, где занимались их воспитанием. Жильцы коммуны обязывались принимать активное участие в общественной, культурно-бытовой работе дома и самым решительным образом бороться с алкоголизмом, грубостью и некультурностью, религиозностью и «остальными явлениями старого быта».

Такова была жесткая регламентация частной жизни. В течение 1930 г. для всех проживающих в коммуне ставилась задача ликвидировать свою неграмотность. Помимо этого членам коммуны предписывалось «вести агитацию за перестройку быта на тех предприятиях, где они работают». Те же кто нарушал правила внутреннего распорядка и не выполнял решения общих собраний жильцов дома подлежали товарищескому суду дома «по вопросам бытового характера».

Дом-коммуна в Замоскворечье, провозглашенный в средствах массовой информации новой крепостью на фронте перестройки быта должен был стать образцово-показательным [11, с. 11]. Постройка дома-коммуны рабочим жилищно-строительным кооперативным товариществом «Первое Замоскворецкое Объединение» объявлялась первой попыткой внесения в жилищное строительство элементов нового быта на основе принципов обобществления жилища [5, с. 14].

Там же в Замоскворечье, у Донского монастыря, планировалось построить по проекту инженера И.С. Николаева студенческий дом-коммуна, который должен был быть заселен в октябре 1930 г. Основная идея здания заключалась в специализации всех бытовых помещений. Отдельно мыслились помещения для сна, отдыха, учебы, зарядки и т.д. [7, с. 12]. Подчеркивая специализированный и стандартизированный характер жилища, автор называет место для сна не комнатой, а «спальной кабиной» размером всего лишь 2х2х2,8 м и состоящей из двух коек, расположенных по вертикали [7, с. 11–13].

Автор проекта не только сделал архитектурные расчеты по проектированию жилища, но и предпринял попытку регламентации поведения человека, оказавшегося в таком доме-коммуне. Распорядок дня был стандартизирован, организован, четко отвечал идеологическим задачам воспитания «нового» человека: «После пробуждающего всех звонка студент, одетый в простую холщевую пижаму (трусики или иной простой костюм), спускается для принятия гимнастической зарядки в зал физкультуры или поднимается на плоскую кровлю для упражнений на воздухе, в зависимости от сезона. Закрытая ночная кабина подвергается, начиная с этого времени, энергичному продуванию в течение всего дня. Вход в нее до наступления ночи запрещен». Затем студенту следовало переодеться и позавтракать, «после чего ему предоставляется право распорядиться временем по своему усмотрению: он

может уйти на занятия в вуз, или идти в общую комнату для учебы, или, если готовится к зачету, взять отдельную кабину для занятий. Кроме того, в его распоряжении находятся общая читальня, библиотека, чертежная, студия и пр.».

Обед также следовал строго по расписанию, после чего планировались краткие вечерние занятия с неуспевающими, общественная работа и т.д. Под общественной работой подразумевалось коллективное прослушивание радио, музыки, игры, танцы и другие способы самостоятельности с использованием инвентаря коммуны. Вечерний звонок, собирающий всех на прогулку, заканчивает день. Вернувшись с прогулки, студент идет в гардеробную, берет из шкафчика ночной костюм, умывается, переодевается в ночной костюм, оставляет свое платье вместе с нижним бельем в шкафу и направляется в свою ночную кабину. Спальная кабина в течение ночи вентилируется при помощи центральной системы. Применяется озонирование воздуха и «не исключена возможность усыпляющих добавок» [7, с. 11–13].

В этих правилах, помимо жесткой регламентированности личной жизни людей, живущих в таком доме, обращают на себя особое внимание несколько моментов:

- нельзя входить в свою «спальную кабину» до наступления ночи, т.е. человек не может уединиться, не может иметь свое индивидуальное жилище, пусть и такое небольшое по размерам;

- время, которым можно «распорядиться по своему усмотрению», заранее расписано – или идти на занятия, или опять в общую комнату для учебы. Вечерний досуг тоже представляется коллективным: коллективное слушание радио, музыки, игры и танцы, и наконец, заключительная всеобщая вечерняя прогулка. То есть живущий в такой коммуне человек все время находится в общественных местах под пристальными взглядами других коммунаров;

- весь распорядок дня построен строго по времени и по звонку: пробуждение, прогулка, прием пищи, отдых и развлечения.

Утопическая идея жилой коммуны с обобществленным бытом была направлена на формирование единого для всех обитателей дома коллективного жизненного уклада, в котором личное пространство либо отсутствовало совсем, либо было сведено к минимуму.

«Новый быт» подразумевал четкое разграничение коллективного и индивидуального. В связи с этим представляет интерес точка зрения руководителя Всероссийского общества культурной связи с заграницей (ВОКС) О.Д. Камековой. Отвечая на вопрос анкеты журнала «Современная архитектура» об «искусстве быта», она обращает внимание на индивидуальное и коллективное вещественное оформление быта. К индивидуальному оформлению она относит только то, что «способствует активности воли, творческому подъему личности»: светлая, большая комната, удобная и необходимая мебель, лампа

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

для работы, радио, душ, телефон. Все остальное – мещанство, мишура, и только «рассеивает мысли и внимание». Оформлением коллективного образа жизни, противостоящего «мещанской семейной обстановке», призваны были стать общественная столовая, клуб с библиотекой, кино, громкоговоритель, спортивный зал, общественная прачечная, а также ясли и детский сад [20, с. 24].

Авторы дома-коммуны прекрасно понимали, что многие воспримут проект как утопию, аналогичную утопии Фурье. Чтобы претворить ее в жизнь, нужно было создать показательный образец, а затем распространить опыт коммунального коммунистического быта на все фабрики и заводы. Для этого предлагалось во всех новых строящихся городах строить только дома-коммуны [9, с. 83].

Построенные дома-коммуны служили образцом организации жизни и отдыха. Так, например, в доме-коммуне Общества политкаторжан в Ленинграде, который предназначался для семей бывших политических узников царизма, кроме общих бытовых учреждений (детский сад, механизированная прачечная), были созданы и места для проведения коллективного досуга жильцов: музей каторги и ссылки, зал на 500 мест с киноустановкой и эстрадой, столовая-ресторан [8, с. 243–244].

Таким образом, индивидуальный отдых в условиях коммунальных квартир и домов-коммун был практически невозможен. Свое свободное время советский человек должен был, по замыслу идеологов, проводить исключительно в общественных местах – красных уголках, клубах, а позднее в домах и дворцах культуры, парках культуры и отдыха.

Со страниц журналов и газет звучали утверждения, что хотя семья еще и существует, она уже потеряла свое значение как производственное объединение людей, а дальше будет отмирать и как хозяйственно-бытовая ячейка. Как пережиток прошлого и «организация господствующего пола» семья должна была исчезнуть: «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи, как органа угнетения и эксплуатации». В доме-коммуне семья рассматривалась как «чисто товарищеский, физиологически необходимый, исторически **неизбежный** союз рабочего мужчины и **работницы-женщины**» [9, с. 83]. Поэтому в новом строительстве отказывались от системы семейных квартир и переходили к созданию основных элементов обобщественного обслуживания бытовых нужд трудящихся. Предполагалось, что это поможет раскрепостить женщин от домашнего хозяйства, даст им возможность заниматься самостоятельным трудом на равных основаниях с мужчиной. В то же время на переходный период отдельным семьям оставалась возможность ведения индивидуального домашнего хозяйства [13, с. 3].

Воспитание детей тоже становилось коллективным: «...Необходимо пересадить наши цветы из домашних, семейных “банок” в солнечное, открытое поле коллективного воспитания. Ребенок после рождения принимается на коллективное иждивение и передается в ясли, где растет и развивается под контролем коллектива и под надзором специальных людей»; «ребенок принадлежит классу рабочих, он его будущий борец» [9, с. 83].

Совместная жизнь детей с родителями считалась нецелесообразной, «ибо воспитание и образование детей должно быть неразрывно связано с производительным трудом, имеющим хозяйственное значение» [23, с. 5]. Но единой концепции организации жизни детей и их родителей не сложилось. Одни предлагали строить детские школьные городки сравнительно недалеко от жилья взрослых для того, чтобы последние все-таки могли принимать участие в воспитании детей, а также, чтобы дети могли принимать «постепенное и организованное участие» в общественной жизни взрослых. Другие считали, что детей следует помещать в Дом ребенка [7, с. 12], чтобы не отвлекать взрослых от общественно-полезного труда. Третьи полагали, что влияние родителей вредит воспитанию будущего строителя коммунизма, так как «зачастую родители готовят врага советской власти – мещанина и антисемита» [22, с. 75–77].

В 1930 г. Коллегия Наркомтруда РСФСР постановила переключить проводимое Наркомтрудом опытное строительство рабочих жилищ с индивидуальных домов на дома-коммуны. Было намечено построить шесть опытно-показательных домов-коммун: в Москве (в Пролетарском районе), в Ленинграде, в Сормове, на Урале, на Северном Кавказе и в Иваново-Вознесенске [28, с. 40].

Строительство домов-коммун через коммунистический быт, создающих нового человека, строительство социалистических предприятий – заводов, фабрик, совхозов, организующих новый труд, – все это должно было завершиться построением более грандиозного целого, называемого «социалистическим городом» [18, с. 2].

Основополагающим принципом построения города должно было стать обобществление не только бытового личного пространства, но и пространства, предназначенного для отдыха трудящихся. С этой целью строились «жилые комбинаты»: «В таком доме не должно быть квартир, не должно быть никаких комнат-общежитий, никаких семейных комнат. Каждый трудящийся в таком доме должен иметь отдельную небольшую комнату» [23, с. 4]. При проектировании жилых домов для социалистических городов, например в Сталинграде, архитекторам было дано задание разработать различные варианты таких жилых комнат в 5–7–9 м² [23, с. 5].

Размышляя о принципах нового планирования Москвы, члены Объединения архитекторов-урбанистов, в которое входили не только архитекторы,

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

но и экономисты, врачи и другие специалисты, утверждали, что планировка социалистического города должна быть теснейшим образом связана с социалистическими задачами в области культурного строительства. Под строительством социалистической культуры понималось в первую очередь создание нового человека, с новой коллективистской психологией и новым коллективным бытом. Соответственно и планировка города в целом подчинялась задаче создания общественных форм труда и отдыха. Она призвана была отражать идеи полного раскрепощения женщин, упразднения индивидуалистических начал прежнего воспитания детей в семье и замены его воспитанием общественным [1, с. 5–13].

Воспитание населения осуществлялось на конкретных примерах организации жилья и быта «ударников», героев Советского Союза, знаменитых ученых, художников и изобретателей, знатных людей производства. Ставилась задача выявления их ведущей роли в общественном быту и в строительстве новой жизни [1, с. 5–13]. Создавались образцы и стандарты для подражания: «Образ воспитания и повседневного быта молодежи, образ быта девушек, образ женщины и матери и новой семьи; образ массовой творческой самостоятельности и изобретательства, а также самостоятельности хозяйственной, общественно-бытовой и политической; образ массового ударничества и героизма – знатных людей страны и т.п.» [1, с. 8].

Еще раз подчеркнем в заключение: ограничение личного пространства, максимальное обобществление быта способствовали усвоению новых социальных и политических установок. Таким образом, членам общества навязывалась определенная система поведения, в основе которой – лояльное отношение к власти.

Литература

1. Балихин В.С. Вопросы архитектуры ансамбля жилого комплекса и магистрали социалистического города. В порядке предварительной разработки темы // Академия архитектуры. – 1935. – № 6. – С. 5–13.
2. Бостельман Н. Укрупненное жилищное строительство // Строительство Москвы. – 1927. – № 3. – С. 9–14.
3. Вегман Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 12–20.
4. Вендеров Б. Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // Строительство Москвы. – 1926. – № 6. – С. 1–7.
5. Вольфензон Г. Первый дом-коммуна // Строительство Москвы. – 1928. – № 2. – С. 14–16.
6. Зеленко А.У. Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 5–9.
7. Студенческий дом-коммуна в Москве // Строительство Москвы. – 1929. – № 12. – С. 11–13.
8. Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Архитектура Ленинградского авангарда. Путеводитель. – СПб.: Коло, 2008.

9. Кузьмин В. О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. – 1927. – № 3. – С. 82–83.
10. Лерман И., Фридман Д. Принципы планировки социалистического города // Строительство Москвы. – 1929. – № 8. – С. 23–25.
11. Лившиц И. Из практики организации нового быта // Строительство Москвы. – 1929. – № 12. – С. 11.
12. Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников / Под. ред. Н.И. Подвойского, А.Р. Орлинского. – М.; Л.: Государственное изд-во, 1927.
13. Милютин Н. Основные вопросы жилищно-бытового строительства СССР // Советская архитектура. – 1931. – № 1–2. – С. 2–4.
14. Москва – Берлин / Берлин – Москва: 1900–1950: Каталог выставки. – Мюнхен; Нью-Йорк, М., 1996.
15. Наши задачи // Академия архитектуры. – 1934. – № 1–2. – С. 4–6.
16. Никаноров. Город-коммуна при автозаводе // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 29–30.
17. Новый этап советской архитектуры // Академия архитектуры. – 1935. – № 4. – С. 9–12.
18. От редакции // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 2.
19. Ответ М. Паушкина // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 25–26.
20. Ответ О.Д. Каменевой // Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 24–25.
21. Пастернак А.Л. Пути к стандарту // Современная архитектура. – 1927. – № 2. – С. 54–64.
22. Письма во власть: 1928–1939. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 75–77.
23. Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 3–5.
24. Современная архитектура. – 1927. – № 1. – С. 24.
25. Федоров В.В., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
26. Хан-Магомедов С. Архитектура Москвы от авангарда до сталинского ампира // Москва – Берлин / Берлин – Москва: 1900–1950. – М., 1995. – С. 205–209.
27. Хвойник Игн. Борьба за качество формы в промышленности // Советское искусство. – 1926. – № 4. – С. 20–26.
28. Хроника строительства // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 40.